

Семен
Дипкин

Перед заходом
солнца

Семен
Липкин

Перед заходом
солнца

Издательство
"ТРЕТЬЯ ВОЛНА"
Париж-Москва-Нью-Йорк
1995

ISBN 5-239-01851-0

С С.И. Липкин, 1995 г.
С Издательство «Третья
волна», 1995 г.

ПОДМОСКОВНАЯ СИРЕНЬ

Я мог бы уже не увидеть
Зеленые майские ветви,
Я мог бы забыть, что природы
Изменчиво благообразье,
Я мог бы не знать, что погромы
Кровавить хотят Закавказье,
Я мог бы уже не увидеть
Зеленые майские ветви.

Я мог бы уже не увидеть
Простор необъятного неба,
Я мог бы не знать, что Россия
Умоется собственной кровью,
Я мог бы не знать, что убийства
Грозят моему Подмосковию,
Я мог бы уже не увидеть
Простор необъятного неба.

Я мог бы уже не увидеть
Костры подмосковной сирени,
Я мог бы не знать, что пожаром
Очистится почва родная,
Я мог бы не думать, что почва
Очистится в пламени мая,
Я мог бы уже не увидеть
Костры подмосковной сирени.

* * *

Я люблю твой язык больше жизни своей,
В нем негромко звучание чешского, польского,
Он славянский, однако, в нем столько
монгольского,
Столько финских и тюркских корней и кровей.

Я люблю твоих грозных и жалких царей,

Злоумыслие Софьи в натопленной девичьей,
Городничих твоих, и твоих бунтарей,
И немецких принцесс, и убитых царевичей.

Я солдатом твоим был в блокадных снегах,
В окруженных станицах донского казачества.
Уничтожат меня, втопчут плоть мою в прах,
Но душа моя в прахе зерном обозначится.

ХИЖИНА

Тебе случилось быть недоброй, скрытной,
Из-за ничтожных плакала потерь,
Куда же удалишься ты теперь
Из хижины непрочной, глинобитной?

Увидишь ли нездешнюю листву,
Великодушную первоприроду,
Услышишь ли мечтательную воду,
Со льдом и снегом чуждую родству?

Иль вступишь в грязь и мерзость Вельзевула,
Столь трепетно грешившая поднесь,
И там ты станешь каяться, как здесь,
Боясь, чтоб в муках совесть не заснула?

Ты хижину хотела обрести,
И только в этом, может быть, повинна,
Вот потому тебя и молит глина:
"Душа, не думай обо мне, лети!"

НОЧЬ

Шабаш деревьев; разноголосица
Птиц, травы, поездов.
Ждешь — на тебя внезапно бросится
Дьявол из-за кустов.

Что ты постигнешь, душа-отгадчица,
В черной осенней мгле?
Ветер и ветви пугают; прячется
Дьявол в каждом дупле.

Утром казалось — ангелы встретятся,
Близко их голоса.
То не зеленые листья светятся,
А серафимов глаза.

Ночь — норовая наша обыденность,
Стойбище, быт, закон.
День — это наша выдумка, видимость,
Наш вожденный сон.

СОН

Мне снится, что я сплю вдали от дел
жителейских,
Что я во сне скорблю,
Хотя и нахожусь в пределах елисейских,
Мне снится, что я сплю

В моей родной стране, где нету райской
кущи,
Я вижу сон во сне,
В котором боль моя, в котором день
текущий
В моей родной стране,

Где надо понимать, что мысли жить
стремятся,
Чтоб умереть опять,
Где выход есть один — не плакать,
не смеяться,
А только понимать.

ЯВЛЕНЬЕ В ГРУШЕВЕ

Украинская просодия

Подошла толпа к подножью
Неба Украины,
Увидала Матерь Божью
Над купой раины.

Всех с улыбкою живою
С печалью ласкает,
У нее над головою
Тонкий нимб сверкает.

В платье огненного цвета
Родная одета,
Вся она — источник света,
Вся — источник света.

Этот свет не свет известный
Утром, на закате,
А земной он и небесный
Вестник благодати.

Электричеством рожденный
Свет горит иначе,
Этот — жалостью зажженный,
Нежный и горячий.

Если жить с долготерпеньем,
Все горе минует,
И толпа себя с молением
Крестом знаменует.

А стоит поближе к Польше,
Крепко держит веру,
Удивляется все больше
Милиционеру.

Он сорвал с себя погоны,
Сбросил гимнастерку
И пошел, преображенный,
Взобрался на горку

И упал перед явленьем
Матери Божьей
С бессловесным тем молением,
Что всех слов дороже.

УТРО ДНЯ

Апокриф

Из грязи и греха вы строите дома,
Затворы ваши — ложь, заборы ваши — тьма.

Погибнут из-за вас зверь, птица, рыба, скот
И все, что на полях, в лесах, в садах растет.

На битву ринутся глупец со знатоком,
Богатый с бедняком, юнец со стариком.

Своею мерзостью, своей нечистотой
Вы оскверните мир и день его святой.

А если в той войне спасется кто-нибудь, —
От зла не отвратись, на справедливый путь

Не ступит он, пока не захлебнется он
В крови и в молоке, которым был вспоен.

И даже Тот, кто вас для блага сотворил,
Ожесточившись, прах отверзнет для могил.

Над вестниками тьмы — над пламенем ракет —
Он установит свой, для вас незримый, свет.

Тогда Свои уста Он сделает жезлом,
Притворной доброте предстать прикажет злом,

Исторгнут грозное дыхание уста,
И будет тишина, и будет пустота,

Но, может, став четой и милость обрета,
Увидят утро дня с дитятею дитя.

МИФ

Все выше в гору, все быстрее
К жилью бежит жильё,
От галереи к галерее
Протянуто белье,

А голуби, питомцы юга,
Предчувствуя закат,
На жен своих и друг на друга
Томительно кричат,

Стемнеет жизнь в проулках тесных,
В подножье скал нагих,
Между свеченьем звезд небесных
И кораблей морских, —

И станет слышно: над горами,
Проснувшись, кружит миф
И службу служит в диком храме
Жрец и охотник — скиф.

ГИМН БОГУ СОЛНЦА

Подражание Ведам

Мы из тьмы и мрака выходим,
Чтоб увидеть твой свет верховный,
Мы с тобою вместе восходим,
Ибо мы, как и ты, краснокровны.

Ты и в небе, наш огнеглазый,
И в подсолнухе, и в ромашке,
У тебя, наш бог огневласый,
Рыжих семь кобылиц в упряжке.

И мы знаем: бог ярколиций
На пути поводыев не бросит,
Эти рыжие кобылицы
В колеснице и нас уносят.

Ты ночами дни измеряешь,
Жгучим светом — тьмы тём несметных,
И в бессмертье своем зриаешь
На пустые заботы смертных.

* * *

Чтобы в конюшне не иссякла
Река свободного ума,
Не надо брать пример с Геракла,
Вступать в борьбу с горой дерьма.

Есть высшее сопротивление:
Мне с каждым годом все милей
Высокомерное смиренье
Моих учителей.

* * *

Отвергнутые раем,
Бредя путем земным,
Мы Змею не прощаем,
Но никогда не мстим.

С его потомством ладим,
Мы ищем в них людей
И по головкам гладим
Их розовых детей.

Но их делам погромным
Ведем в молельнях счет
И помним, все мы помним,
А жизнь идет, идет...

* * *

Ты самому себе не лги,
А только слух свой напряги,

Когда внезапно занедужится
И голова твоя закружится.

Попробуй заболеть, прилечь,
Из грубой глухоты извлечь,

Как будто весть потустороннюю,
Не только речь, но и гармонию.

И мысль твоя заговорит,
И ты почувствуешь, что слит

С тем, что есть ты и есть незримое,
Творящее, а не творимое.

ТРЕВОГА

Длится такая дорога
Тысячи лет.
Снова гудят у порога
Тысячи бед.
К людям придет ли подмога
В эти края?
Где Ты, карающий строго
Наш Судия?
Кто из бараньего рога
Ко мне воззвал?
Это тревога, тревога
Трубит сигнал.

ОПЕРАЦИЯ

Я прожил жизнь, собой не дорожа,
И потому безжалостно греша
В телесном одиночном каземате,
И плачет о себе моя душа,
В чем даже Иов признавался, кстати.

Хирург, что оперировал меня,
Склоняясь над смесью глины и огня,
Был предан врачебательскому делу,
Но был смущен мой дух, еще храня
Приверженность бессмысленному телу.

ТРУДНАЯ ЗИМА

Трудная моя зима кончается,
День идет за днем, не мельтеша,
И, как ствол березы, утончается,
Поднимаясь вверх, моя душа.

Рвется на свободу травка вешняя,
Снег последний силясь побороть,
Рвется и душа, такая грешная,
Чтоб ее судили, а не плоть.

Чтоб, достигнув вечного сияния,
Озарившего весенний дом,
С болью и восторгом покаяния,
Наконец, предстать перед судом.

ГОРОДОК В СТЕПИ

Коснулся городок степного лона,
Его отар, его травы густой,
И частью стал свеченья небосклона,
Почти незримой, крохотной звездой.

Здесь правят свадьбы по ночам собаки
И глохнет ругань человеческих свар.
У кошки, притаившейся во мраке,
Глаза — огни автомобильных фар.

Но здесь, быть может, стану я землею,
И надо мною прорастет трава,
И пробегут овечки надо мною,
И ветер повторит мои слова.

СОБИРАТЕЛЬ ГОЛОСОВ

Георгию Баллу

Не землянику, не грибы и прочее,
Чем знамениты русские леса,
Где навьих колдований средоточие, —
Я собираю птичьи голоса.

И покоряясь непереводимости,
Внимаю зяблику и соловью:
Вот голоса, не знающие мнимости,
Я на базаре их не продаю.

В КОНЦЕ ВЕКА

Облучены и овцы, и коровы,
Больны моря, и реки, и листва.
Рождаются ребенок нездоровый
И зараженные слова.

Гниет единственная радость — разум
В лабораториях и на холстах.
Воспринятое ухом или глазом
Смердит, как падаль, на устах.

Но почему же так синеет море,
Влекут стиха и скрипки голоса
И в августовском царствует уборе
Земли недужная краса?

НАСЛЕДНИК

Баллада

Необходим искусству майорат.
Художник никогда не разрушитель.
Он строит прочно укрепленный град,
Где слово — работающий вольный житель,
Но лишь тогда он истинный строитель,
Когда, как сад, поет его чертеж,
А в том саду и прежних птиц найдешь,
И новых, с необычным опереньем,
И старое по-новому прочтешь,
Их внутренним обогащенный зреньем.

Так, продолжая предков знатный ряд,
Он созидатель, а не сокрушитель,
Художник расширяет вертоград,
Неведомых потомков он учитель.
Хотя и на земле он небожитель,
Все мучает его: скота падеж,
Неурожай, бескормица — и все ж
Он и безвестным рад своим твореньям,
Он любит птиц, им созданных, галдеж,
Их внутренним обогащенный зреньем.

В его саду о нем не говорят,
Хотя он всех цветов и птиц рачитель,

И нет его парению преград.
Он утешитель наш и наш мучитель,

Мы нехотя вошли в его обитель,
Но с той поры мы отвергаем ложь,
Мы думаем: "Я на него похож,
Когда горю — его горю гореньем,
Я в сад его, к цветам и птицам вхож,
Их внутренним обогащенный зреньем".

посылка

Тебе начать работу невтерпеж,
Но лишь в конце к началу ты придешь,
И помни: слово — недруг словопреньям,
У предков ты наследье обретешь,
Их внутренним обогащенный зреньем.

БАБОЧКА

Подмосковный вечер, отблески заката,
Зелень без предела.
Бабочка ночная, как душа Сократа,
В комнату влетела.

Что же ты мне скажешь, мудростью владея,
Крыльями сверкая,
И чему научишь, милая Психея,
Бабочка ночная?

Может быть, научишь, как в одну минуту
Слить себя с веками,
Смерти не бояться и допить цикуту
Ровными глотками.

ЗОЛОТАЯ МЕРА

Подражание Горацию

Ты плавай не в открытом море,
Где вихрь забушевал,
Но в то же время, с бурей в споре,
Страшись прибрежных скал.

Всему предпочитаю меру,
Всегда работай впрок,
Гоня богатство, как химеру,
И бедность, как порок.

Не забирайся ввысь, где молний
Губителен удар:
Внизу высокий долг исполни,
Храня свой малый дар.

Сегодня мрак, а завтра будет
Сиять небесный свод,
И прав не тот, кто все осудит,
А тот, кто все поймет.

Основа старых слов едина:
Посредственность, среда,
Но золотая середина
Извечно молода.

В движенье жизни закаляйся
И счастьем, и бедой,
И никогда не удаляйся
От меры золотой.

В НАЧАЛЕ ТРИДЦАТЫХ

Так третье десятилетье
В России утверждено:
Россия — это в подклетье
Упрятанное зерно,

Россия — опять прописка,
Как при царе — паспорта,
К тому же страшная чистка,
Покорная слепота,

Селькоры и часовые,
Бегущий в ночь земледел...
Стреляет в себя Россия,
Ведет себя на расстрел.

Одних — на расстрел — в кальсонах,
А на других зипуны,
И вряд ли о жидомасонах
Кому-нибудь снятся сны.

А я в пугливом наитье,
Во тьме, в духоте глухой
Не сплю, склоняясь в общежитье
Над юношеской строкой.

РАСКОПКИ

Держава загадочных хеттов,
Империя неких кушан
Имели жрецов и поэтов,
Оратаев и горожан,

Имели возничих и зодчих,
Чертоги и плесень темниц,
В собраниях — вельмож и рабочих,
А в храмах — богинь и блудниц.

Ученые тщатся поныне
Услышать и то, что мертво,
Прочесть на изрезаной глине
Восточных владык хвастовство,

Внушая потомкам надежду
В раскопках узнать, например,
Имелась ли разница между
Россией и СССР.

ВО ВРЕМЯ БОЛЕЗНИ

Все кружится: люстра, стены,
Березы в большом окне
И тонкая тень антенны
Колеблется на стене.

В державе — разгул погрома,
А, может быть, и чума.
Возьми себя в руки, Сема,
Не надо сходить с ума.

Смотри: в алмазной короне,
В круженье семи планет
Нисходит потусторонний
Вещественный вечный свет.

ЧЕРЕЗ СОРОК ДНЕЙ

Прошло сорок дней — и собрали всех жен,
И отняли все — до серьги и кольца,
И там, где песок был жарой обожжен,
Трудились, творя золотого тельца.

И вот он готов — господин золотой,
Телесным обильем он радует нас,
Блестя металлической шерстью густой,
Прелестно он смотрит сапфирами глаз.

Всего сорок дней протекло, как песок,
Со дня, как дошел до нас голос Творца,
Но мы предпочли лягушачий прыжок
И пляшем вокруг золотого тельца.

ИНАЯ ДОРОГА

Необычны остатки твердыни,
Что полны иудейской войной,
И простор средиземный и синий,
Нас влекущий к дороге иной.

Необычно цветение скиний:
И песок побеждая, и зной,
Зарождается в дикой пустыне,
А восходит всемирной весной.

ДАВИЛЬНЯ

С. Чертоку

Нас к небу неспешно дорога ведет,
Где сад увенчав многолистый,
Изогнута горем, олива растет,
Ровесница сына Марии Пречистой.

Была здесь деревня, с далеких времен —
Приют виноградарей местный.
Здесь были крестьяне Шаул и Шимон,
Как Павел и Петр оба стали известны.

Мужи прилагали ко всходу семян
Апостольский труд и крестьянский.
В селе и давильня была — гатасман,
Отсюда название: сад Гефсиманский.

СВЕТ

Не планеты над нами, а тысячи глаз,
И не видел я света добрей.
Эти звезды — глаза тех, кто жили до нас,
Пастухов, патриархов, царей.

То, что сказкой казалось нам, стало страной,
Ибо свет этих глаз не погиб,
Хоть камня летят над великой стеной
И по улице движется джип.

Тяжело доставалась ночей череда,
Тяжело было свет обрести,
Лишь тому он сияет, кто знает, куда
Он обязан, он избран идти.

ВЕЧЕР В ИЕРУСАЛИМЕ

Мавританский пошиб белокаменных
зданий,
Многоярусный свет, изумивший природу,
Вавилонские львы и шумерские лани
Извергают из пасти фонтанную воду.

Верх становится низом, низина —
нагорьем,
Вдохновенно тоскуют холмы по вершинам,
Мусульманский песок с лютеранским
подворьем
Говорят, словно шейх с прихожанином
чинным.

И такая заката сердечная милость,
И такая огней полнокровная алость,
Будто все, что считалось земным,
отдалилось,
И приблизилось все, что небесным
казалось.

СПОКОЙНЫЙ ПРИЮТ

Полуночный пляж. Немного пловцов.
На торжище женское тело нагое.
Уехать скорей в обитель отцов,
Увидеть другое, увидеть другое:

Сады на холмах. Два камня седых.
Молчащая мельница Монтефиоре.
Внезапна заря, внезапна, как стих,
Родившийся с низменным разумом в споре.

Проснулся наш дом — Спокойный Приют,
И купол мечети блестит против окон.
Два облачка, слившись, свиваются в жгут,
Как будто хасида курчавится локон.

Созрел виноград. Тучнеют поля.
Овечек стригут — осыпается волос.
Цветы на земле, ждет песни земля,
И вот уже слышится горлицы голос.

УЛИЦА НАХАРДЕА

Ты вспоминаешь ли маменьку?
Воздух влажен, горяч.
Бросил Бобруйск или Знаменку,
Ищешь работу, врач.

Видишь, стоит шестипалое
Дерево эвкалипт?
Старое, с виду усталое,
Давних лет манускрипт.

С морем, вскипающим молодо,
Связана старина.
В честь вавилонского города
Улица названа.

Наперекор вавилонянам,
Чтобы окреп народ,
Сделался там узаконенным
Правил священных свод.

Грузом забот отягченные,
Ночью, в плену беды,
Книгу писали ученые,
Ты доверши труды.

НАДЕЖДА

Рожден по воле Бога на Руси,
Я жил, с надеждой каждый день прощаясь,
И все-таки надеялся, вращаясь
С моей землею на ее оси.

Надеялся и жаждал добросердья,
Улыбки дорогого мне лица...
Надежда — утешение глупца,
Надежда — доказательство бессмертья.

ПАМЯТИ АЛЕКСАДРА МЕНЯ

Безумье над нами нависло,
Уже с топорами пошли
На прочные, точные числа,
Хмелея от злобы, нули.

Сегодня от злобы и смуты
Хмелеют, балдеют, смердя,
А завтра, от крови раздуты,
Взнесут нулевого вождя.

Лишь Тот, кто, создавши, возвысил
Для радости мыслящий род,
Седмицей сияющих чисел
К спасению нас поведет.

РЕКА

На двух мольбертах рисуется,
От всех тревог далекая,
И влажно живописуется,
Такая синеокая,

Под зеленью и под птицами
Холмами окруженная,
Активными частицами
Распада зараженная.

ПЛАМЯ

Когда Творящий цвет огня,
Меж прочими делами,
Взглянул внезапно на меня
Горящими глазами,

Мне стало страшно и светло.
Питомец беззаконий,
Я видел: пламя обожгло
Всевышнего ладони.

И это пламя вдруг во мне,
Как зарево, зарделось,
И засияло в вышине.
И в бездне загорелось,

Покрыло мир, за пядью пядь,
Пылающим покровом
И затвердело, чтобы стать
Неколебимым словом.

Когда я приехал в столицу,
Она еще розовела,
Закат зажигал светлицу,
Внизу, по оврагам, звенело.

Хранил переулочек Учебный
Полудеревенский обычай,
Глядел он, еще не ущербный,
На чудный Новодевичий.

А там, где златились клены,
На круг листочки роняя,
Свои начинал трезвоны
Семнадцатый номер трамвая.

Пляж химиков. Весело вместе
Мы с Юрой Домбровским купались,
О разуме, совести, чести,
Оглядываясь, трепались.

И чем неожиданно-летней
Московская осень казалась,
Тем вкрадчивей, незаметней
Нас будущее касалось.

СКОВОРОДА

”О Господи, живой глагол
На стогнах или в келье!
Кто радость без Тебя нашел?
Где без Тебя веселье?”

В былые трудные года,
Простой душе во благо,
Так говорил Сковорода,
Поэт, мудрец, бродяга.

”Напрасен происк сатаны,
Его драконьи зубья,
Коль будем соединены
В утробе братолюбья”.

Играл на флейте у ручья
Для сердца, не для славы,
И слушали его друзья —
И пастухи, и травы.

”Возбуди святую волю в нас,
Даждь нам сей дар пренужный,
Да вечно Твой владеет глас
Людской семьею дружной.

О, что есть плоть? Лишь Твой закров,
Одно из одеяний.
А Ты есть тайна: тайна слов,
Музыки и деяний”.

Вступил он в нищее жильё,
Собрался в путь-дорогу.
Старик переменял белье
И помолился Богу.

Прилег, поскольку завершил
Земное бытованье.
Под голову он положил
И свитку, и Писанье.

ГОЛОС

Однажды я услышал голос, —
Нежней не слышал ничего,
Но почему-то с ним боролось
Мое земное существо.

Тот голос был могуч и кроток,
В нем свет сиял, в нем был огонь,
Но я боялся их, как плеток
Боится изнуренный конь.

Тот голос звал меня к вершине
Творящих слов и нужных дел,
Но я хотел блуждать в пустыне, —
Да и не знал, чего хотел.

Я понял поздно благодатный
И чудный зов и трудный долг,
Но звуки сделались невнятные
И вещей голос вдруг замолк.

ОНИ ВОШЛИ

Двадцатый год. Разгул собраний.
Для плача не хватает слез.
А Кафка в эти дни в Меране,
Где лечит свой туберкулез.

Вот беспризорники заснули,
Друг с другом теплоту деля,
А Бунин в эти дни в Стамбуле
С женою сходит с корабля.

Там Валери, покуда молод,
Гранит алмазную строфу,
А здесь у моря целый город
Лежит в разрухе и в тифу.

Еще АРА пришлет нам, детям,
Какао, сайку и маис,
Но что нам делать с миром этим,
Висящим головою вниз?

ЧЕРТИ

И в темноте, и в нищете —
Дьявольские рожи,
Но всех чертей опасней те,
Что с ангелами схожи.

А, между тем, они просты,
Лишь знай, где что́ сокрыто:
В их крыльях спрятаны хвосты
И в башмаках — копыта.

СТИХОТВОРНЫЙ ПЕРЕВОДЧИК

Как влюбленный, ты околдован,
Здравомыслен, трезв, как судья,
Ты не раб, однако, окован,
Такова планида твоя:

Попадая в плен, не сдаваться,
Не меняя, все изменить,
Как десантник, в тайну ворваться
И, как брат, ее сохранить.

* * *

Надоело грешить не грехом, а грешками,
Что противней всего.
Обнажается суть в этом скучном бедламе
Существа моего.

Надоело грешить, да и трудно молиться,
Забываю слова.
Я частица того, что само есть частица
Моего существа.

Как мне трудно молиться, слова забывая,
С детства нужные мне.
Дни летят, как снежинки, весь мир закрывая,
Дни мелькают в окне.

СЕРЫЙ ПОЛДЕНЬ

Мне полдень видится дождливый,
Он в темно-серое одет,
Высокомерный и брюзгливый,
Как твой полуоглохший дед.

Из той же выходец породы,
Что анджеловский Моисей,
Он бормотал, снегобородый,
О жизни всей — да и своей.

В тот год (я не нуждаюсь в датах),
Был голод. Шел к тебе твой дед,
И на его пальто в заплатках
Ложился полдня серый свет.

Жена не с ним. Не любят дети.
Внук презирает без причин.
И он один на белом свете,
Всегда один, давно один.

Он упадет. Угрюмый дворник
Сердиться будет лишь на то,
Что, убегая, беспризорник
Уносит с мертвого пальто.

* * *

Трех мирозданий дети,
Во тьме скорбим о свете,
В бесплодье — о расцвете,
В безводье — о дожде.
Тот мир, где мы томимся,
И тот, где мы таимся,
И тот, куда стремимся —
Внутри, вовне, везде.

В ПЕРЕУЛКЕ

Теплый вечер затихает
И становится смуглей.
Серебром благоухает
Старость тополей.

В переулке все смешалось:
Населенья бедный бред,
И незримый стыд, и жалость
Тех, которых нет.

Их домов малоэтажных
Тоже нет давным давно,
Льется свет гигантов важных
Из окна в окно,

Льется мертвый, льется лживый,
Но, вникая в чуждый свет,
Тополя живут — и живы
Те, которых нет.

ИДЕТ ВЕСНА

Дальний, робкий ветер веет с юга.
По временам
Окликают ангелы друг друга
По именам.

Не они, а мы их так назвали,
И до сих пор
Здесь, внизу, понятен нам едва ли
Их разговор.

Здесь, внизу, мелодия крамолы
Бедна, больна,
Но, хотя еще деревья голы,
Идет весна,

И хотя грядущий день пугает, —
На радость нам
Ангелы друг друга окликают
По именам.

ПЛАВАНИЕ

*Голубь, вышедший на берег,
Не пришел обратно.
Лиснянская*

Под тяжестью туманов мгlistых
Сперва мы уживались мирно.
Семь чистых пар и семь нечистых,
Мы плыли по воде обширной.

Ей не было конца и края,
Воде, которая с разбегу,
Мощь яростную набирая,
Хлестала злобно по ковчегу.

Но где ж прибежище земное?
В безумном блюде, в гнусном сраме
Кровосмесительного гноя
Мы стали вечными жильцами.

Разведчик с нами разминулся
Или погиб, чураясь гнили?
Обратно голубь не вернулся,
И мы давно о нем забыли.

СТЕНА ПЛАЧА

Мне кажется, что беспредельна
Ровесница седых годин.
Мужчины молятся отдельно
От женщин, только плач — один.

Мы перед ней стоим, как дети,
Стена, как мать с детьми, нежна,
Из горьких слез тысячелетий,
А не из камня сложена.

В проходах встроены читальни,
Где древний слышится рассказ,
Не слезы с высоты недалней,
А камни падают на нас.

Но не боюсь я камнепада
И ненависти в голосах, —
Есть откровенье и отрада,
Восторг и свет в моих глазах.

МАРТОВСКОЕ СОЛНЦЕ

Березы не болеют,
А весело белеют,
Заглядывая в окна,
И смотрят: что у нас?
А что у нас? Простуда
Да грязная посуда
И воздух умирает,
Как некий древний сказ.

За окнами такое
Сияние покоя
И мартовского солнца
Так важен обиход.
Пусть где-то бомбовозы
Гудят, а здесь березы
Белеют, озаряя
Мой медленный уход.

ВЕЧЕР В ЛЫХНАХ

Повечерья абхазского
Помню тоненький звон,
И листвою осенен
Эвкалиптовый сон.
Помню воздуха ласковый
Виноградный настой
И луны молодой
Нюхоток золотой.

Помню вешнюю раннюю
Соловьиною трель,
И губами апрель
Зажимает свирель.
Помню старцев собрание
Тонкостанных, седых,
Прозвенел и затих
Диоскуровский стих.

ЧУДО

Дремал он, дикий зверь, в берлоге,
Кругом — сырой и темный лес,
Но ты вошла на холм отлогий,
Что было чудом из чудес.

Взглянув еще звериным взглядом,
Он все забыл, себя забыл.
Лес показался райским садом,
Где заново он создан был.

Он приближался с недоверьем,
С восторгом, мукой и мольбой,
Когда в себе расстался с зверем,
Очеловеченный тобой.

Рукой, снимающей все боли,
Его погладила ты лоб,
И он постиг любви и воли
Власть, разум, свет, огонь, озноб.

МЕСТЬ

Чувства нет страшней и слаще:
И старо, и вечно-ново,
Редко — ствол плодоносящий,
Чаще — меч в руке слепого.

Мы стоим у врат при въезде
В новый век, и мы открыли:
Наша мечь не есть возмездье,
Долгих битв она бескрылье.

У ОБРЫВА

Было все: запальчивая мнимость
Огорчений и страстей
И негромкая непримиримость
Бедной юности моей.

Но запомнился и миг счастливый:
Угасающий закат,
Острый запах моря у обрыва,
Ожиданья жаркий взгляд.

ИОВ

Живу в начале гнева Твоего,
Зерно труда и сева Твоего.

Болезный агнец хлева Твоего,
Я слышу громы гнева Твоего.

Я, агнец, пил из блюда Твоего
Вино и солнце Уца моего.

Зачем же до Завета Твоего
Лишен я капли света Твоего?

Лежу в тени чертога Твоего,
В проказе у порога Твоего.

Мой вздох предвестник хлеба моего,
Но плач нисходит с неба Твоего.

ИСИДА

Бугры и ямы, насыпи, холмы,
Как черепа убитых, скалят зубы,
И может показаться, что над нами
И над собой убитые смеются.
Там, за проселочной дорогой, луг
Так бархатно, так солнечно, так близко,
С неистовым желаньем быть счастливым,
Закрыв свои зеленые глаза,
Чтобы не видеть кости убиенных.
Их приняла земля и стала ими.
А по асфальту нового шоссе
Убийцы едут, бледные от злости
И мучимы палаческой обидой.
Меж тем земля становится Исидой:
Осириса собрать ей надо кости.

* * *

Становятся годы старше
И так себя проявляют:
Столетние юбилеи
Знакомых моих справляют.

А я надеюсь, что скоро
До уровня смерти возвышусь
Для важного разговора,
Как только с ними увижусь.

* * *

Помню я лучей закатных верность
Тем пескам, где замкнута вода,
Помню утомленную поверхность
Неказистого пруда.

Эти столь ничтожные приметы,
Может, я запомнил потому,
Что пришел сюда с другой планеты,
Неизвестной никому.

* * *

Разрушен храм. Камней пылится гряда.
Насиженные не забыв места,
Взлетают птицы, — вижу я отсюда, —
На уровень упавшего креста.

Пленительна дворянская Волхонка,
Как птицы, память о былом хранит,
Но дней безумных непрерывна гонка
И город устремляется в Аид.

Этот мир и в частицах, и в целости
Не постичь самым светлым умам:
Он — дитя, не достигшее зрелости,
Он — не ведавший детства Адам.

Он принес мне и счастье, и горести,
Пыль войны и сирени росу.
Или с ним уничтожусь я вскорости,
Или я его в сердце спасу.

* * *

В зоне самовеличанья —
Шепоток: журчит родник.
Звуки жаркого журчанья
Не смолкают ни на миг.

Загрохочет, как стемнеет,
Запоздалый грузовик,
И дорога вновь немеет,
Но журчит, журчит родник.

Речь проселочных унылых
Вечно суетна, громка,
Только заглушить не в силах
Жаркий шепот родника.

Я — развалившаяся Троя,
Повергнут в прах Приамов град,
Выходит у меня из строя
Вестибулярный аппарат.
Но нет на жребий мой обиды
И девяти сестер я брат,
Пока со мною Аониды,
Пусть еле слышно, говорят.

Они меня не укоряют,
Не унижают похвалой,
И если строки умирают,
То сочетаются с землей.
Пусть их забвением карает
Недолговечная молва, —
Их через годы повторяют
Не мной рожденные слова.

ПРЕОБРАЖЕНИЕ

Сегодня хочу помолиться
Иною, не скорбной мольбой,
Я светом хочу поделиться
С источником света, с Тобой.
Шумит по-иному столица
И моря людского прибой,
И дивные русские лица
Глядят сквозь экран голубой.

* * *

После смерти мы не будем в огненном аду,
После смерти мы очнемся в сказочном саду,
Потому что муки ада — только на земле,
На земле, где мы в кипящем вертимся котле.

После смерти — жизнь другая, около Творца,
Ибо в смерти — обещанье жизни без конца,
Той, в которой лгать не будут книги и уста,
Станет музыкою дума, думой — красота.

ВОСТОЧНЫЙ ПОЭТ

Я узнал от гор снежновершинных
 Имя твое,
Различил я в шуме вод глубинных
 Имя твое,
До меня дошло из книг старинных
 Имя твое,
Я прочел на языках звериных
 Имя твое.

Я — в пустыне дней, но воспеваю
 То, что цветет,
Даже в скудном прахе открываю
 То, что цветет,
И когда цвести я призываю
 То, что цветет,
Именем твоим я называю
 То, что цветет.

БЕДНЫЕ РИФМЫ

Кто сказал, что опять мы живем во мгле
И что холод настает?
Кто идет по земле, идет по земле,
По земле идет, идет?

Просыпается мир в осеннем тепле,
Просыпается, поет:
"Он идет по земле, идет по земле,
По земле идет, идет".

МУЗЫКА СВЕТА

Лампа не погашена в передней,
Робко, тускло брезжит сквозь стекло, —
Может, занялся мой день последний,
Чтобы стало наконец светло?

Мне не спится. Что краснеет? Это
Точка телевизора горит.
Мне же нужно много, много света, —
Пусть он утро жизни озарит.

Утро жизни. Море в синей зыбке,
А над ним летучий птичий хор,
И кузнечиков я слышу скрипки,
Но, увы, не виден дирижер.

Эта музыка пришла с волною,
С тайной волн далеких, световых,
Эта музыка уйдет со мною,
Оставаясь радовать живых.

КОНЕЦ РАССКАЗА

Вечер настал и покинул я дом,
Вверх посмотрел, поражен высотой, —
Всадника вижу в венце золотом,
Держит он месяца серп молодой,

Медленно движется, ночь упредив,
Дня мирозданья кончая рассказ...
Так безнадежно и грозно красив
Может быть только погибельный час.

ЗИМА

Неожиданно здесь подморозило,
Стало белым, что было черно,
И ветвей лебединое озеро
Заглянуло волшебно в окно.

И тогда я решил в изумлении,
Что я в сказке старинной томлюсь,
А повеет дыханье весеннее, —
Я по капелькам наземь прольюсь.

РОССИЯ

Россия может быть безглазой и безухой,
Но сохранит она и зрение, и слух.
Россия может быть воровкой, потаскухой,
Но в мерзкой плоти будет светлый дух.

Россия может жить без храмов и молений,
Но сердце не отдаст содеянным богам.
Россию может враг поставить на колени,
Чтобы припасть, как прах, к ее ногам.

Россия может быть разбойной, дикой голью,
Но затаится в ней величие стыда.
Россия может быть больна предсмертной болью
Но мертвою не станет никогда.

ДУХ

Сотворили мы зверя, зверея,
И как только он пасть расширял,
Лицедей предавал лицедея,
Лиходей убивал лиходея,
Тех и этих дракон пожирал.

Были две головы у дракона,
Были обе из букв четырех,
Но рассыпались буквы патрона,
Пасть дракона отвисла зловонно,
Он подох, наконец, он подох.

Оказалось: мы голы и нищи,
Но душа пробуждается в нас.
Кто же козлище? Агнец? Волчище?
Нет, в телесном животном жилище
Человеческий дух не погас!

ВЗГЛЯД СНИЗУ

Елене Макаровой

Чернодонные обрывы
Чуть видны впотьмах.
Низкорослые оливы
Встали на холмах.

Близким кажется отсюда
Беглый свет машин.
Твердым коржиком верблюда
Кормит бедуин.

Вечер виноградным гроздьям
Говорит, зачем
Верхний путь взметнулся к звездам
В город Вифлеем.

СОЛДАТСКАЯ ПАМЯТЬ

Как дни эти зимние хрупки,
А там, наверху, посмотри —
Два облачка белых, две шляпки
У пирса рассветной зари.

Таким же сверкающим утром,
Не глядя на солнечный шар,
Давно ль на суденышке углом
По Волге я шел на пожар.

В подлеске за нами ”катюши”
Угрюмо и грозно молчат,
А в воздухе движутся души
Немецких и наших солдат.

Далекое с близким смешалось,
Число позабылось потерь.
Как вольно тогда мне дышалось,
Как дышится трудно теперь.

ПРАРОДИТЕЛЬНИЦА

Не стало нашим бедам счета
С тех самых пор, как началась
С отроковицами у Лота
Кровосмесительная связь.

Но Бог-то знал, что беспорочна
Та связь, когда священна цель:
Пусть племя утвердится прочно
Среди бесчисленных земель.

И мы, страдавшие премного,
В кумирнях не склонялись ниц,
И прародительница Бога —
Одна из тех отроковиц.

ПУТНИК В СТЕПИ

Идешь. А знаешь ли куда?
Подумай. — Думать неохота.
И только взглянет иногда,
И даже усмехнется кто-то
Из-за станичного заплота.

Последний дом. И ты в степи,
Брат ковылю, кунак вороне.
День терпелив. И ты терпи, —
Смотри: он свой, не посторонний,
И гаснет в золотой короне.

Падет на землю мрак ночной,
Твой поводырь, твоя защита.
Беда не кончится с войной,
Во тьме грядущее сокрыто,
Оно с песком, с травой слито.

ЯКИМАНКА

Аркадий, друг с одесских лет,
Художник юный и поэт,
Втроем — с женой, с ребенком малым,
(Насколько помню — годовалым),
Родителям наперекор
Снял комнату на Якиманке.
Вхожу в замоскворецкий двор
Со свертком (колбаса, баранки).
В снегу задумчиво залег
Одноэтажный флигелек.

Квартиросъемщик, старец плотный,
Иконописец безработный,
Нам говорит, хлебнув чайку:
"Толпа идет по большаку.
Все видят: от толпы безвестной
В степи исходит свет чудесный.
Вопрос друг другу задают:
"Из рая ли они идут?"
Так ваш народ, гласит преданье,
Обрел Израиля прозвание".

Сказал, нисколько не шутя.
В кровати плакало дитя.
И вдруг в движенье долгом, гулком,

От церковки за переулком,
До нас мелодия дошла:
Звонят, звонят колокола!
Давно бывшее отмечталось.
Что мне от прежних дней досталось?
Какою памятью богат?
Колокола звонят, звонят,
Колокола звонят...

ПЕВИЦА

Послушаем, друг мой, швейцарскую пташечку.
Как несколько песен споет,
Возьмет с табуретки кофейную чашечку,
Не кофе — коньяк она пьет.

Рассталась давно ли с казачьей станицею,
С туманами терских путей,
Пришла к европейским камням ученицею
И учит нерусских детей.

А дом все богаче, и день все угрюмее,
И рядом, в деревне Веве,
Князь Мышкин в своем безнадежном безумии
Внимает ей, сидя в траве.

ФАУСТ

Земля, придавлена асфальтом, чахла,
Сугробом горбясь и вясь тропой,
И день, на палку опираясь дряхло,
В тулупе снежном шел полуслепой.

Недолго же однако холодела
Мучительная зимняя пора,
Пришла весна, земля помолодела,
Скрывая, что душа ее стара.

Земля цветет, свободно дышит кожа,
Кто помнит, что душа ее больна,
Что изнутри на Фауста похожа
Морщины утаившая весна.

ПОСЛЕ ДОЖДЯ

Дождь прошел, но не высохли лужи.
Ты внимательней вверх посмотри:
Облака так предметны снаружи,
Так загадочно то, что внутри.

Так желта эта дробная ряска
На зеленой пластине пруда,
Что становится каждая краска
Существом, низошедшим сюда.

Да еще этот сине-лиловый
Небосвод отражается так,
Как душа отражается в слове,
И тогда разрушается мрак.

ОГОНЬ

В солнце я искал огонь, я искал огонь
в кремне,
В древних свитках так искал, что глаза
почти ослепли.
На исходе жизнь моя, и теперь открылось
мне:
Высшей мудрости огонь отыщу я только
в пепле.

КНИГА

1

Нищенствуют, рвут, когтят,
И воюют, и воруют,
Только волки не грустят,
Только вороны жируют,
Только провода гудят
Сдвоенными голосами,
Только ангелы глядят
Удивленными глазами.

Но повсюду, не деля
Мысль на мелкие частицы,
Небо, листья и земля —
Неразрывные страницы
Книги, чья печаль сладка,
Знак таинствен, голос крепок,
Каждая ее строка —
Вечности воздушный слепок.

2

Порой блеснут трехцветным флагом
Тропинка, листья, небеса,

А где-то близко, за оврагом,
Услышу птичьи голоса.

Здесь ни к чему косноязычье,
Здесь дела нет до пустяков,
И эти сочиненья птичьи
Осмысленней моих стихов.

Им ни к чему любое знамя,
Весь путь, который мы прошли,
Покуда небо есть над нами,
Как продолжение земли.

СОНЕТ

На волю вышло крепостное слово,
Воров и нищих утвердился быт,
Но не видать Желябова второго,
Генсек-Освободитель не убит.

Священствуют доносчик и развратник,
Но с грустью мудрой смотрит доброта
И рая многоопытный привратник
Пред грешниками не закрыл врата.

На стройке вавилонской башни спорят,
Но на полях безумия войны
Никто из них другого не поборет:
Любовью будут все побеждены,

Покуда зло не возродится снова,
Оно — основа царствия земного.

ДЕРВИШ

Ты станешь прахом, созданный из праха.
Насторожись.
Все в мире кружится вокруг Аллаха,
И ты кружись.

На плоти мира — плотная рубаха.
Из-за холста
Открылись ли тебе черты Аллаха,
Их красота?

Как твой творец, твори слова без страха,
Но, зная цель,
Преобразись в дыхание Аллаха
В его свирель.

ВЗГЛЯД ИЗ ЕГИПТА

Так и жили, смутно понимая,
Что творится там, за морем Чермным,
Что вдали Европа ледяная
Светится сиянием вечерним,

Что ничтожное числом и видом
Некое пастушеское племя
В книге, непонятной пирамидам,
Всем расскажет, как возникло время,

Что нелегок путь к заветной цели,
Что опасны идола немые,
Что в саду губительны доселе
Обольстительные очи змия.

Все так лживо, и глупо, и худо,
Но такая пошла полоса:
Лишь тогда совершается чудо,
Если вера живет в чудеса.

От лихих перемен ошалевший,
Но себя не решаясь менять,
День бредет, как художник ослепший,
Вспоминая, боясь вспоминать.

Все так смрадно, и низко, и серо,
Но не вспыхнет ли свет и для нас,
И хотя исковеркана вера,
Вера движет горой и сейчас.

МИДЯНЕ

Как только заря забрезжит,
Я слышу в разноголосье,
Как солнце растит и нежит
Отравленные колосья.

Платить мы не будем дани
Врагам иль долгим болезням,
А попросту как мидяне
Исчезнем.

Другие взрастут колосья,
Другие родятся люди,
Одних будут звать Федосья,
Других — Чингиз, Иегуди.

Другие придут за другими,
И только для перевода
Останется странное имя
Народа.

* * *

Изгнанный из сада, я ль пришелец,
У меня ль во рту тяжелый кляп?
Неужели Ты рабовладелец,
Я Твой раб?

Если бесконечно-малой дробью
Ты меня считаешь по уму,
Почему ж я создан по подобию
Твоему?

Если даже смертного я рода,
Разве Твой огонь во мне потух?
Я не раб. Ты есть моя свобода,
Жизнь, мысль, дух.

Для того ль Ты в глину вдунул душу,
Чтобы в глине поселился страх?
Если так, то я с Тобой разрушу
Жалкий прах.

СОБАНЬСКАЯ В ОДЕССЕ

Южный день свободой моря вдоховлен,
А оно внизу таинственно молчит.
Пушкин бродит по Херсонской, он влюблен,
Он не знает, что Собаньская стучит,

Что в глазах ее упряталась алчба,
Что он зря в прелестный омут заглянул,
Что душа его — незримая раба
Той души, чей соименник Вельзевул,

Что владычицей он сделает рабу,
Что сосчитаны уже его года,
Что с Мадонною связав свою судьбу,
Вельзевула не забудет никогда.

О.Э.М.

Как мучительно вспоминать
 Черты его лица,
Как не сразу сумел понять
 Горячность гордеца,

Как богаты годы его
 Счастливой нищеты
И вселенское торжество
 Несчастной правоты.

СЕДАЯ ПЫЛЬ

Степные каменные бабы,
Отринув темные леса,
Молчат, уставивши в ухабы
Свои сарматские глаза.

Они не знали душных комнат,
Не доверялись письменам,
Зато они такое помнят,
О чем не догадаться нам.

Что помнят? Может быть, руины
Погибших храмов и дворцов,
Полынный дух, и ястребиный
Полет, и хриплый конский зов...

Еще земля нежна, красива,
Еще закат ее высок,
А я ничто, я после взрыва —
Седая пыль, степной песок.

ЛИСТОК

Тосклива погода гнилая
 В сыром октябре.
Молчит перемена большая
На школьном соседнем дворе.

В окно заглянула синица,
 Прищурив глазок,
И хочет слететь, и боится
На ветке озябший листок.

У нас с ним одна невезучесть,
 И так мне близка,
Казалось бы мудрая участь,
Но грустная участь листка.

* * *

Я ухожу, я ухожу,
Тихо себе говорю я: "Смотри же,
Солнце все ниже, тени все ближе".

Сколько теней, милых теней,
Милых, и даже немилых когда-то, —
В пору заката все это свято.

Что обрету? Смерть иль мечту?
Счастье иль страх? И дождусь ли ответа
Мрака иль света? Мрака иль света?

Тяжело умирать, хорошо умереть,
Хорошо посмотреть
На последнюю ночь, на последний рассвет,
На ненужный предмет,

На стакан молока, на снежинке в окне,
На себя в глубине
Уходящей души и постыдных примет
Глупо прожитых лет.

Ранним утром зимой хорошо понимать,
Что не надо опять
Подниматься, вставать. Хорошо умереть,
Тяжело умирать.

ПРОШЛОЕ

Всегда с тобою детские мечты
И отроческих весен разум зыбкий,
Всегда с тобой бессмысленные сшибки,
Рожденные соблазнами тщеты.

Всегда с тобою рабьей нищеты
Притворные, актерские улыбки,
Тяжелые, но жалкие ошибки
И хитрости беспомощной черты.

Они ушли — боль, радость, праздник, смута
И тот поэт, предупреждавший, будто
Все пожирает времени жерло.

Но ты не верь, что прошлое прошло,
Оно всегда с тобой, оно творится,
Чтобы когда-нибудь возобновиться.

НОВЫЙ ЯНВАРЬ

Год настал, быть может, для меня последний,
Но еще не страшно встретиться с концом
И еще рождаются во мне такие бредни,
Будто становлюсь я златокузнецом,

Будто я из солнца смастерил порфиру
И надел на голову сияющего дня,
И семья трех сосен, превратившись в лиру,
Все еще в окне зовет меня.

СОСНЫ ЗИМОЙ

Денек в окне то серенький, то сизый,
Но утренняя хороша пора
И сосны хороши, одеты в ризы
Из слитков серебра.

Пойти бы этой русскою тропею,
Запомянув каждую версту,
И чистых сосен унести с собою
Седую красоту.

Забывать грехи, ничтожные поступки,
В другом лесу другие видеть сны,
Одеться в снег серебряный и хрупкий,
Стать родичем сосны.

ЖУКОВСКИЙ

Какой тяжелый мрак, он давит, как чугунный,
И звездочки тяжка сургучная печать,
И странно говорит стихом Жуковский юный:
"С каким веселием я буду умирать".

Завидую ему: знал, что и за могилой
Он снова будет жить среди верховных сил,
Где собеседники — то ангел шестикрылый,
То маленькая та, которую любил.

Там слава не нужна, там нет садов Белева,
Там петербургские не блещут острова,
Но Пушкина и там пророчествует слово
И тень ученика убитого жива.

ВЫПАЛ СНЕГ

Наконец, выпал снег. Снова зимний уют
И целительная белизна.
Прилетели дрозды и рябину клюют,
А рябина под снегом вкусна.

А рябина еще молода, и беды
Не ждала, и все ветки болят,
Но ликует зима: "Прилетели дрозды,
Наконец, начался снегопад".

ОДИН И ОДНА

Солнцеглаза была Зулейха
И всей мощью беспомощной сердца,
Как мечтание, как жениха,
Возлюбила раба-иноверца,
А богата была, и знатна,
И всевластного старца жена.

Был взаправду Иосиф красив,
Нежен, строен, плечист и послушен,
Он при робости был прозорлив
И при мудрости был простодушен.
Госпоже был он верным слугой,
Но владел им Господь всеблагой.

Вряд ли видел сей раб Зулейху,
Ибо видеть ее опасался.
Может быть, он склонялся к греху,
Но при этом греху ужасался.
Грех в кумирнях смердел, он блестел
Костью, бронзой изваянных тел.

Стал почти что владыкой земли
Прежний раб. Вот, вельмож возглавляя
Он скакал. Там лежала в пыли
И в отрепьях старуха слепая.

На нее посмотрел он с коня
Чернь курчавых волос наклоня.

Верховые глядят, трепеща:
Это что — колдовство? Или диво?
Где старуха? Конечно, нища,
Но зато молода и красива,
А глаза как два солнца горят
И лохмотья — как царский наряд.

То была Зулейха: в нищете
В слепоте столько лет бытовала!
Он узнал ее: в каждой черте
Был огонь и любовь ликовала!
Всадник спешился, к сердцу прижал
Ту, которую сердцем желал.

Это стала планета иной,
Это капища власть прекратилась,
Это свет обновился земной,
Это в небо земля превратилась,
Ибо счастье с одной одного —
Торжество мирозданья всего.

ВЕТЕР МАЯ

Кровь пролилась весной,
Но жизнь, всегда живая,
Не хочет быть иной.
Иду — и ветер мая
Заводит речь со мной:

”Прислушайся ко мне:
От имени березы,
Как друг ее родне,
Я побораю грозы,
Враждебные весне.

А ну, взгляни сюда:
В лесу, в конце столетья,
В жестокие года,
Зеленый цвет бессмертья
Красив как никогда”.

КАЗНЬ

Ведут на казнь. Толпа стихает.
Смерть превращается в игру.
Бездумно пташечка порхает
Вокруг помоста поутру.

Казнят ли женщину, мужчину?
Толпа густа. Труп одинок.
Бросают голову в корзину
И ставят возле мертвых ног.

Толпа ножом не восхитилась:
Что ж, ремесло как ремесло.
Число предметов сократилось,
Существ умножилось число.

А завтра праздник повторится,
Нож пригодится: не тупой.
И равнодушно реет птица
Над расходящейся толпой.

ВСЕ В МИРЕ МУЗЫКА

Все в мире музыка: лазоревая даль,
Трава под окнами, ближайшая береза,
И черно-белый кот, как маленький рояль,
 Ждет маленького виртуоза.

Но эта музыка сама сотворена, —
И больше никакой не надобно работы.
Зачем исписывать бумагу дочерна?
 К чему кощунственные ноты?

А если кот уйдет, и высохнет трава,
И дерево поймет, что даль тяжка и мглиста,
Умрет ли музыка? Она всегда жива,
 Она слышна без пианиста.

ТЮЛЬПАН

Молящиеся руки
Тюльпана в дни войны
Явили облик муки,
Когда метались кони
На выщербленном лоне
Калмыцкой целины.

К земле склонился чуткий
Предутренный туман.
Прошли в тревоге сутки.
Как Будда шестирукий,
Вобрал в себя все звуки
Молящийся тюльпан.

Мне кажется, что я еще живу,
Что у меня есть дети и жена,
Которая не мать моих детей,
Что умереть еще мне предстоит,
Что я здоров, что я пишу стихи,
В которых мысли музыкой звучат
На старом, очень старом языке.

Здесь множества, но я всегда один,
Всегда один, молюсь я Одному,
Но тихо, тайно я молюсь Ему,
И опасуюсь, что меня сожгут.

Меня сожгли. Истлела плоть моя
Там далеко, в Толедо. Почему ж
Я в этой снежной северной земле
На Востряковском кладбище лежу,
И я не прах, я вновь пишу стихи
На молодом, как солнце, языке.

ДОЖДЬ

Мир, как младенец, в тучки запеленат,
Деревья хлещет дождь во весь размах,
Они рвут листья на себе и стонут,
Как плакальщицы на похоронах.

Но лето опрометчиво хороним,
Мы молоды еще, как предок наш,
Когда не чужаком, не посторонним
Взошел он первый раз на горный кряж.

Увидел: все, что прежде пребывало,
Преобразилось, краткий путь пройдя,
И время начинается сначала,
Сейчас, при шуме листьев и дождя.

ВОЙНА

Как нужно небо голубое
Земле, которая больна,
Мне нужен мир с самим собою,
А между тем идет война.

Она мне душу измотала,
Развалин множатся места,
То высшее сильней начало,
То низменная суета.

Покуда бой не умолкает,
Как новобранец, не пойму:
Противник, что ли, наступает,
Иль гибель я несу ему?

КОРОЛЕВА

Сосна стремительно убита
Разбушевавшейся грозой,
Но с рощей, как и прежде, слита
Своей безжизненной красой.

Смиреннейшая королева
Конвентом молний казнена.
Свалилась голова налево,
Направо — шеи белизна.

Затихнул ливень смертоносный,
Но капли падают порой,
То боязливо плачут сосны
Над юной мертвою сестрой.

ВОЕННЫЕ ДОРОГИ

Мне в безумье военных дорог
Попадались советские мальчики,
Прозывались они "самоварчики":
То солдаты без рук и без ног.

И случилось, что в саночках женщина
Привозила обрубок в мужья,
И душа трепетала моя,
Будто слышала глас благовещенья.

ГОВОРИТ СОКРАТ

Я не знаю, что мне снится,
Знаю: свет идет ко мне,
И души моей темница
Озаряется во сне.

Из бессмыслицы тюремной,
Все преграды сокруша,
На свободу в мир надземный
Вырывается душа.

В ЧЕРЕДЕ ЗЕМНЫХ СОБЫТИЙ

Что известно о причинах
Кухонного разговора?
Кто распространил в Афинах
Самиздат Анаксагора?

Кто не знал, что поздно славить
Лживый свет, который тухнет?
Кто решил кирпич подправить,
Не поняв, что зданье рухнет?

В череде земных событий
Кто забыл, что есть бессмертье?
В них вы смысла не ищите,
Только верьте, только верьте.

* * *

Память сохранила в жизни длинной
Южных волн глубинный гул внизу,
Азии жемчужный блеск над глиной,
Нищую московскую слезу.

Да еще какое-то мерцанье, —
Вспомнить бы, да вспомнить не могу:
То ли глаз нездешнее страданье,
То ли пламень, согнутый в дугу.

ДУША

Она в юдоли чуждой не останется,
Как не корми ее, не ублажай.
Вдали укоренясь, душа-изгнанница
Мечтает возвратиться в отчий край.

В первоначальном доме обустроится,
Забудет о своей вине земной,
Все зримое в Незримом ей откроется,
Слиянной со вселенскою весной.

ПЕРЕВОДЫ
ИЗ ХАИМА-НАХМАНА БЯЛИКА

**МОЯ МАМА,
БУДЬ БЛАГОСЛОВЕННА ЕЕ ПАМЯТЬ**

Из бесед падика из Виледника

С и в р и т а

Набожной мама была, праведницей
беспорочной,

Да осенит ее небо...

Вечер субботний настал, а в доме у нищей
вдовицы

Нет ни свечей, и ни хлеба.

Чудо: два гроша нашла! Что купить — хлеб
или свечи?

Нет труднее заботы.

Сбегала в лавку, вернулась, а в ручечке
тонкой —

Две свечи для Субботы.

Семь свечей — семь очей — семизвездье
сияет ей с неба,

И вдовица в смущенье:

Благословит ли Господь женщины бедной
Субботу

И всего лишь двух свечек свеченье?

Да освятит Всеблагой и чистую скатерть
И тарелку пустую!

В платье субботнем, в платке она Господа
встретит

И Субботу Святую.

И было: зажгла две свечи, — и ей сделалось
горько,

Сердце больно заныло,
Упала слеза на свечу, по морщинам
скатившись,

И свечу погасила.

Окривела Господня Суббота! И женщина
страхом

И позором объята:

”О мой Бог, ты отверг приношенье рабы
твоей бедной,

Но Суббота-то в чем виновата?

Почему ты ей выколол глаз?”

Под субботним платочком
Затряслись ее плечи.

В тихом, сдавленном плаче стояла,
в печали молитвы

Смотрела на свечи.

И взывали из сердца ее праплатери
и херувимы,
Из гортани рыдали:
Слышишь, Славы Престол, слышишь,
ухо небесное, — этот
Голос печали?

И слеза, словно жгучая капля огня,
соскользнула
Со щеки и упала
На свечу, что погасла, — и вновь
засветилась
Та свеча, как сначала.

Мама открыла глаза — и я вижу:
свет семидневный
Вспыхнул с огнем воедино,
Это вдову, что молилась за нас, за Израиль,
Поцеловала Шехина.

ФРЕЙЛЕХС

С и д и ш

На этом свете хорошо,
Да нам и тот годится.
Скорее руку на плечо,
Пусть танец разгорится!

А ну-ка выше и быстрее
Пусть пятки замелькают,
Пусть искры вспыхнут из камней,
Пусть весь базар пылает!

Не жалуйтесь, что жизнь бедна
И что душа ранима, —
Сегодня до конца, до дна
Плясать необходимо!

Пускай мы впроголодь живем
И спим, не досыпая,
Не будем думать о дурном,
Орлами ввысь взлетая!

Гора несчастий давит нас, —
Кто плакать нас принудит?
Закрыв глаза, пуститесь в пляс,
Что будет, то и будет!

Лишь раз живем, лишь раз умрем,
Один лишь раз мы спляшем,
В живой венок себя сошьем,
Сплетясь пред Богом нашим!

Здесь нет отцов и матерей, —
Все вместе без изъятия.
Сегодня каждый здесь — еврей,
Сегодня все мы братья!

Мы включены в единый круг,
И выются мимо окон
Чулок, башмак, соседка, друг,
И борода, и локон!

Хочу, чтоб круг всегда кружил
По вихревой дороге
От богадельни до могил,
От бань до синагоги!

Нет мяса, хлеба — ни куска,
Селедки нет на блюде.

Эй, веселей! К чему тоска?
Кружитесь в танце, люди!

Плясать приятней, чем страдать.
Эй, шире круг, эй, шире!
Над нами Божья благодать,
Господня милость в мире.

Течет рекой Господень дар
По бородам и пейсам.
Не уставайте, млад и стар,
Эй, танец, выше взвейся!

Все ваши высохли ручьи,
Но жажду утоляйте:
Зеленой желчью вы свои
Бокалы наполняйте.

Испили? Пусть пойдет вам впрок.
Себя возьмите в руки.
Врагу пусть будет невдомек,
Как вас терзают муки.

Мы весело сегодня пьем
Напиток наш бесценный!
Мы недругам назло живем,
Наперекор вселенной!

Где светлых истин голоса?
Где весть о добром деле?
Одно круженье колеса
Без смысла и без цели.

Пускай глаза у всех блестят,
Кружитесь веселее,
Сильнее будьте всех преград,
Ярмо вы сбросьте с шеи.

Кто защитит наш ветхий кров
И нашу кровь, бедняги?
Принес бы в жертву сто миров
За краткий час отваги.

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО

С и д и ш

Увидел Бог, что вы без сил,
Что вас недуг сломал, свалил,
Что вы познали гнет и срам, —
И был я Богом послан вам.
Он длань свою к вам протянул,
Он мощь свою в меня вдохнул,
О вас он вспомнил в трудный час
И слово мне сказал о вас:

”Они измучились вконец.
Ты вырви стон из их сердец.
Ты выстрели слезу из глаз,
Чтоб в ней, в горючей, боль зажглась,
Чтоб громом стал последний вздох”, —
И так еще сказал мне Бог:
”Да будет трепет на земле,
Да не живет она во зле”.

Я покорился и пошел.
Был каменистый путь тяжел.
Одна лишь мысль на всем пути
Была в душе моей, в кости.

Я думал: вы — среди злобных змей,
А близких нет и нет друзей.
Я понимал: так жить невмочь,
Я знал, что должен вам помочь.

Бог наказать меня решил:
Он жалость к людям мне внушил.
К тому, кто корчится от мук,
К чужому я стремлюсь, как друг,
О том и плачу я навзрыд,
Кто в адском пламени горит.
Я знаю: ваша боль остра,
Вы ждете ласки и добра.

Я к вам иду, я к вам приду,
Чтоб вашу разделить беду.
Я вас от ран освобожу,
Где надо — их перевяжу,
Где надо — ртом остановлю
Я крови жаркую струю.
О вас я буду слезы лить,
Вас утешать и вас будить.
Я вам идти на дно не дам,
Приду с благою вестью к вам.

Что дал мне Бог, то подарю,
Вас верой одухотворю.
Мне смелость даровал Творец,

Чтоб горы одолел храбрец.
Он дал мне зоркость, чтоб светло,
Не щурясь, я смотрел на зло.
Меня снабдил он языком,
Что спорит остротой с клинком.
Вы камень? — Он железу брат.
Железо вы? А он булат.
Я к вам приду, чтоб вас поднять, —
И вы подниметесь опять.

Вот к вашим я дверям приник.
Увы, немеет мой язык.
Ночь навалилась на меня,
Свеча осталась без огня.
Стою, охваченный стыдом.
Меня вы не впустили в дом.
Длань Бога не коснулась вас,
Вы осмеяли Божий глас!

Где я для вас найду слова?
Речь Бога вам чужда, мертва.
Я только слово произнес,
Но вихрь, подув, его унес.
Другим реченьем вас зову, —
Упала искра на траву,
Траву сухую обожгла,
Сереет на земле зола.

И вскрикнул я, и в этот миг,
Как пуля вылетел мой крик.

Сияла тишина кругом,
Когда раздался тяжкий гром.
И пуля в сердце вам впилась,
Взревела даль и затряслась,
Слеза взлетела, как стрела, —
Увы, притворною была,
Никто не верил ей, увы,
Никто — ни Бог, ни я, ни вы.

Полез я в мусор ваших ям,
Одежду измарал я там,
У вас я помощи алкал.
Для вас я помощи искал.
Я звал, я дожил до седин,
Но я один, один, один...

Молюсь. Но где вы? За стеной.
Вы дверь закрыли предо мной.
Длань Бога не коснулась вас,
Вы осмеяли Божий глас.
Но знайте: у меня сейчас
Нет утешения для вас.
Есть слово у меня: оно
Для устрашенья рождено,
Чтоб я на вас его низверг,
Чтоб вас оно взметнуло вверх,

Чтоб свет сокрылся, тьмой объят,
Чтоб в сердце ваше влился яд,
Чтоб смерть несли хлеб и вода,

Отравой сделалась еда.
Всю жизнь она вам омрачит,
Но смертью жизнь не облегчит.
Утешных слов я не сберег
Для вас: в огне я душу сжег.
Расторг я с вами договор,
Отвагу превратил я в сор.
Всю желчь на вас я изолью,
Своею кровью заплюю.

Я Божий услышал приказ:
"Свой стон издай в последний раз,
Свой вздох издай в последний раз,
Наполнись желчью и скажи:
"Глухие, слушайте в глуши!
Наступит день, и с высоты
Спущу я солнце правоты,
Чтоб свет вселенной завладел,
Но рабством будет ваш удел.
Ни капля света, ни одна,
Не будет с неба вам дана.
Отравлены, ослеплены,
А с вами дочери, сыны,
Скитаться будете, вотще
Моля хоть об одном луче,

Но поздно вы узрите свет,
И хохот будет вам в ответ.

Я, клады жизни всем даря,
Раздам и радости моря,
Но только вас всего лишу,
Я ваши воды иссушу.
Бедны, больны, ущемлены,
А с вами дочери, сыны,
Блуждая по чужим краям,
Придете вы к чужим дверям,
Чужие вам сверкнут ручьи,
И шеи вытянув свои,
Возжаждете воды глотка, —
Она и горькая сладка, —
Но хохот встретит вас везде,
Никто не пустит вас к воде.

Велю, чтоб добрый дух пришел,
Вам путь укажет мой посол,
Укажет путь на небеса
И освежит вас, как роса,
Но, став, соломою сухой,
Не увлажнитесь вы росой.
Вам вечно плесневеть и гнить.
А коль сумели сохранить
Вы искры чувств, любовь к добру, —
Все до едина отберу,

Я ввергну ваше сердце в тьму,
Плоть, вкус и запах отниму.

Заброшенный покинув дом,
Чужие в мире, вам чужом,
Бродя, топтать начнете прах,
Как попрошайки на пирах.
Чтоб ваши язвы каждый мог
Узреть, взойдете на порог
С мольбой в протянутой руке,
На рабьем, нищем языке
Вы злата будете просить,
Чтобы на грош один прожить.
Вам в тягость будет жизнь дана,
Ночь будет долгая темна.
Мир к вашим стонам будет глух,
Не обратит к вам Бог свой слух,
Как ваш великий грех, нужда
Вас не покинет никогда.
О смерти будете просить,
О жизни будете грустить,
Но ничего не даст вам Бог,
Боль будет жечь вас, как ожог.
Что ваши изрекут уста, —
Для сердца будет речь пуста.
Решитесь встать, собраться в путь,
Но вы не сможете вздохнуть.
Лежать во прахе вы должны:

Вы заживо погребены
В могилах до скончанья лет,
В аду, в котором смерти нет.

”Теперь спустись, — велел мне Бог, —
В дом гончара, купи горшок,
На землю кинь, горшок разбей,
Скажи для слуха всех людей:
”Вот так же разобью и вас!”
И замолчи, — вот мой наказ, —
Замри и жди за годом год.
Настанет день. Придет. Придет”.

СОДЕРЖАНИЕ

Подмосковная сирень.....	3
”Я люблю твой язык больше жизни своей...”.....	4
Хижина.....	5
Ночь.....	6
Сон.....	7
Явление в Грушеве.....	8
Утро дня.....	10
Миф.....	12
Гимн богу солнца.....	13
”Чтобы в конюшнях не иссякла...”.....	14
”Отвергнутые раем...”.....	15
”Ты самому себе не лги...”.....	16
Тревога.....	17
Операция.....	18
Трудная зима.....	19
Городок в степи.....	20
Собиратель голосов.....	21
В конце века.....	22
Наследник.....	23
Бабочка.....	25
Золотая мера.....	26
В начале тридцатых.....	28
Раскопки.....	29
Во время болезни.....	30
Через сорок дней.....	31

Иная дорога.....	32
Давильня.....	33
Свет.....	34
Вечер в Иерусалиме.....	35
Спокойный Приют.....	36
Улица Нахардеа.....	37
Надежда.....	38
Памяти Александра Меня.....	39
Река.....	40
Пламя.....	41
1929.....	42
Сковорода.....	43
Голос.....	45
Они вошли.....	46
Черти.....	47
Стихотворный переводчик.....	48
”Надоело грешить не грехом, а грешками...”.....	49
Серый полдень.....	50
”Трех мирозданий дети...”.....	51
В переулке.....	52
Идет весна.....	53
Плавание.....	54
Стена плача.....	55
Мартовское солнце.....	56
Вечер в Лыхнах.....	57
Чудо.....	58
Мечь.....	59
У обрыва.....	60
Иов.....	61
Исида.....	62
”Становятся годы старше...”.....	63
”Помню я лучей закатных верность...”.....	64
”Разрушен храм. Камней пылится гряда...”.....	65
”Этот мир и в частицах, и в целости...”.....	66

"В зоне самовеличания..."	67
"Я — развалившаяся Троя..."	68
Преображение	69
"После смерти мы не будем в огненном аду..."	70
Восточный поэт	71
Бедные рифмы	72
Музыка света	73
Конец рассказа	74
Зима	75
Россия	76
Дух	77
Взгляд снизу	78
Солдатская память	79
Прародительница	80
Путник в степи	81
Якиманка	82
Певица	84
Фауст	85
После дождя	86
Огонь	87
Книга	88
Сонет	90
Дервиш	91
Взгляд из Египта	92
"Все так лживо, и глупо, и худо..."	93
Мидяне	94
"Изгнанный из сада, я ль пришелец..."	95
Собаньская в Одессе	96
О.Э.М.	97
Седая пыль	98
Листок	99
"Я ухожу, я ухожу..."	100
"Тяжело умирать, хорошо умереть..."	101
Прошлое	102

Новый январь.....	103
Сосны зимой.....	104
Жуковский.....	105
Выпал снег.....	106
Один и одна.....	107
Ветер мая.....	109
Казнь.....	110
Все в мире музыка.....	111
Тюльпан.....	112
”Мне кажется, что я еще живу...”.....	113
”Многое можно понять, проникая в науки...” ..	114
Дождь.....	115
Война.....	116
Королева.....	117
Военные дороги.....	118
Говорит Сократ.....	119
В череде земных событий.....	120
”Память сохранила в жизни длинной...”.....	121
Душа.....	122

ПЕРЕВОДЫ ИЗ ХАИМА-НАХМАНА БЯЛИКА

Моя мама, будь благословенна ее память.....	125
Фрейлехс.....	128
Последнее слово.....	132

Семен Израилевич Липкин
ПЕРЕД ЗАХОДОМ СОЛНЦА
1990-1993

Александр Глезер,
главный редактор

Светлана Басипова,
технический редактор

Издательство "Третья волна"
109003, Москва, Каретный ряд, 3

ЛР № 030469 от 30.12.92.

Подписано в печать с готовых диапозитивов 20.04.95. Формат
70×100^{1/32}. Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ.
л. 5,85. Тираж 5000 экз. Заказ 57167.

Типография АО «Молодая гвардия»:
103030, Москва, Сушевская ул., д. 21.

